

Дѣтство и отрочество.

(Продолженіе).

II.

Отецъ мой—баккалавръ Московской Духовной Академіи. Жизнь нашей семьи на „казенномъ дворѣ“. Наша квартира и ея послѣдующая судьба. Средства содержанія семьи моего отца. Образъ жизни академическихъ профессоровъ въ то время. Патріархальная простота этой жизни. Семейныя собранія и угощенія на нихъ. Ероѳеичъ. Проферансъ и бостонъ. Сигнализация двухъ свояковъ. Гольшія вечеринки въ академическихъ семьяхъ. Пути сообщенія обитателей посада. Шутки Сергѣя Константиновича. Каличья башня. Большіе званые вечера у представителей посадскаго общества. Разъѣзды съ вечеровъ. Кучеръ Павликъ и случай съ Ѳ. А. Голубинскимъ.

Я родился 17-го августа 1851-го года въ Сергіевскомъ посадѣ въ то время, когда отецъ мой былъ баккалавромъ Московской Духовной Академіи. На родинѣ мнѣ пришлось провести лишь первые три года жизни своей, такъ какъ въ 1855-мъ году семья наша уже переселилась въ Москву, гдѣ отецъ занялъ мѣсто приходскаго священника. Само собою разумѣется, что отъ этихъ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства о жизни въ посадѣ у меня не могло сохраниться никакихъ личныхъ воспоминаній. Однако изъ рассказовъ родителей о тогдашней жизни какъ семьи нашей, такъ и вообще академическаго профессорскаго круга, сохранилось въ моей памяти много такого, что, мнѣ кажется, можетъ представлять для читателя нѣкоторый интересъ.

Отецъ мой, Александръ Кирилловичъ Соколовъ, поступивъ изъ костромской духовной семинаріи въ московскую академію, окончилъ въ ней въ 1842-мъ году съ ученою степенью магистра богословія. Вопреки распространенной при-

мѣтѣ, признающей тринадцатое число несчастнымъ, тринадцатый курсъ московской академіи, къ составу котораго принадлежалъ мой отецъ, оказался особенно счастливымъ. Девять магистровъ этого курса заняли профессорскія кафедры въ академіяхъ, при чемъ пятеро изъ нихъ стали бакалаврами въ своей московской академіи, а четверо были назначены въ Казань, гдѣ въ тотъ годъ только что открывалась новая духовная академія ¹⁾. На долю отца моего выпала кафедра еврейскаго языка, но черезъ два года къ ней присоединена была и церковная археологія, прежде не преподававшаяся въ академіи, и отцу такимъ образомъ пришлось стать первымъ бакалавромъ по этому предмету ²⁾, а вмѣстѣ съ новымъ предметомъ преподаванія онъ въ томъ же, 1844-мъ, году началъ и новую жизнь, женившись на второй дочери Алексѣя Васильевича Платонова—Маргаритѣ Алексѣевнѣ.

Всѣ профессора и бакалавры московской академіи пользовались въ то время казенными квартирами, при чемъ монашествующіе изъ нихъ, а также свѣтскіе-холостые, занимали помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ, расположенныхъ внутри стѣнъ лавры. Семейные же члены академической корпораціи, женамъ и дѣтямъ которыхъ жить въ монастырѣ не полагается, занимали квартиры въ посадѣ, частію въ такъ называемомъ „казенномъ дворѣ“, принадлежащемъ академіи, частію же по найму у посадскихъ домовладѣльцевъ. Отецъ мой, въ качествѣ семейнаго человѣка, получилъ квартиру на казенномъ дворѣ. Это академическое владѣніе расположено съ юго-западной стороны лавры на Ильинской улицѣ, противъ ограды монастырскаго пафнутьева сада. Оно представляетъ собою небольшой продолговатый участокъ земли съ двумя, стоящими одинъ за другимъ, деревянными домами, при чемъ почти все, остающееся свободнымъ, пространство покрыто деревьями, а въ передней части своей—дорожками и цвѣтниками. Такъ какъ и въ

1) Это были: И. Н. Аничковъ-Платоновъ, Влад., въ монашествѣ Іоаннъ, Соколовъ, Д. Г. Левицкій, П. С. Казанскій и А. К. Соколовъ, поступившіе въ московскую академію, и Н. В. Минервинъ, П. І. Палимпсесторъ, Н. П. Соколовъ и Е. В. Зубковъ, поступившіе въ академію казанскую.

2) С. Смирновъ. Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразования. Стр. 400. Москва 1879 г.

ближайшемъ сосѣдствѣ казеннаго двора было не мало садовъ и огородовъ, то въ гигиеническомъ отношеніи онъ представлялъ собою, по своему простору, чистотѣ воздуха и обилію растительности, мѣсто весьма удобное и полезное для его семейныхъ обитателей. Въ переднемъ двухъэтажномъ домѣ казеннаго двора были квартиры тогдашнихъ столновъ академической корпораціи, о. о. протоіереевъ Ѳеодора Александровича Голубинскаго и Петра Спиридоновича Делицына, а въ заднемъ одноэтажномъ флигель, раздѣленномъ на двѣ половины, жили мой отецъ и товарищъ его по курсу Иванъ Николаевичъ Анничковъ-Платоновъ. Передній домъ цѣль и до настоящаго времени, а флигель, мѣсто моего рожденія, уже покончилъ свое существованіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Когда ректоромъ академіи былъ Преосв. Арсеній, нынѣ митрополитъ Новгородскій, дорогой мнѣ домикъ сломали до основанія и на мѣстѣ его построили академическую церковно-приходскую школу. Въ шутку я говорилъ тогда Преосвященному, что слѣдовало бы водрузить на мѣстѣ мраморную доску о моемъ рожденіи, а вмѣсто того уничтожаютъ и самый флигель. Впрочемъ хорошо было и то, что почти во все продолженіе моей тридцатилѣтней академической службы милый мнѣ домикъ оставался въ неприкосновенности, а потому, много разъ посѣщая обитавшихъ въ немъ сослуживцевъ своихъ, я всегда въ этихъ маленькихъ уютныхъ комнаткахъ съ какимъ-то особенно теплымъ чувствомъ вспоминалъ былые годы родной семьи. Наша квартира, занимавшая правую половину флигеля, состояла изъ трехъ комнатъ, кромѣ кухни и очень маленькой передней. Въ этихъ скромныхъ предѣлахъ помѣщалась семья, состоявшая въ началѣ пятидесятихъ годовъ изъ родителей, четверыхъ дѣтей и двухъ прислугъ; но требованія тогдашнихъ академическихъ профессоровъ были настолько непритязательны, что съ ихъ стороны никакихъ жалобъ на тѣсноту помѣщенія не было слышно. Скромной квартирѣ моего отца соответствовалъ и скромный окладъ содержанія. Въ качествѣ бакалавра, онъ во всѣ двѣнадцать лѣтъ своей академической службы получалъ по 357 руб. 60 коп. въ годъ жалованья и по 100 руб. въ годъ такъ называемаго магистерскаго оклада по ученой магистерской степени¹⁾. Какъ ни

¹⁾ С. Смирновъ. Исторія Моск. Дух. Академіи стр. 342.

дешева была въ тѣ годы посадская жизнь, но на такія скудные средства существованіе съ семьей было всетаки довольно затруднительнымъ. Нѣкоторымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи послужило для отца моего, какъ и для многихъ его сослуживцевъ, начавшееся съ 1843-го года изданіе академическаго журнала „Творенія Святыхъ отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія“. Было положено платить наставникамъ академіи за каждый листъ перевода или оригинальной статьи по 15 рублей. Плата производилась по выходѣ каждой книжки, а по окончаніи года сотрудникамъ выдавался еще дивидендъ, иногда довольно значительный и притомъ для оригинальныхъ статей въ большемъ размѣрѣ сравнительно съ переводомъ ¹⁾. Отецъ мой въ 1847 году напечаталъ въ академическомъ журналѣ „Сношеніе армянской церкви съ восточною православною въ XII вѣкѣ“, а въ 1848 и 1849 г.г. „Жизнь св. Ефрема Сирина, характеръ его сочиненій и черты изъ его ученія“. Кромѣ того, въ продолженіи шести лѣтъ, съ 1848-го по 1853-й годъ, онъ трудился надъ переводомъ съ сирскаго твореній св. Ефрема Сирина ²⁾. Небольшое вознагражденіе получалъ онъ еще отъ того-же изданія по занимавшейся имъ добавочной должности секретаря редакціоннаго комитета. Только благодаря такимъ дополнительнымъ заработкамъ удавалось молодымъ семейнымъ бакалаврамъ сводить концы съ концами, но когда семья разрослась, академическая служба становилась для многихъ уже слишкомъ тяжелой и они начинали искать себѣ лучшихъ условій жизни. Наилучшимъ исходомъ въ данномъ случаѣ являлось поступленіе на епархіальную службу, а потому громадное большинство академическихъ профессоровъ того времени, прослуживъ нѣсколько лѣтъ на каѳедрѣ, переселялись въ Москву, занимая въ ней мѣста приходскихъ священниковъ.

При всей ограниченности матеріальнаго достатка, академическіе профессора того времени не замыкались въ узкомъ кругу своихъ семейныхъ нуждъ и интересовъ; но дружно поддерживали постоянное близкое общеніе со всѣми сослу-

1) Ibidem, 343.

2) Ibidem, стр. 110.

живцами, нерѣдко устроляли именинныя, или по какимъ либо другимъ торжественнымъ случаямъ, многолюдныя собранія и проводили такимъ образомъ довольно широкую и веселую общественную жизнь, такъ что и о нихъ можно, пожалуй, сказать, что „въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“. Такому образу жизни не мало способствовала тогдашняя дешевизна всякаго рода продуктовъ, которая въ наше время представляется баснословною; но всего болѣе, конечно, та крайняя скромность требованій и патриархальная простота нравовъ, которыя господствовали въ академическомъ кругу. Излишнихъ и цѣнныхъ костюмовъ молодые бакалавры тогда не заводили, такъ какъ по улицамъ посада можно было путешествовать въ чемъ угодно. Въ теплые весенніе и осенніе дни отецъ мой напр. отправлялся въ академію на лекціи въ одномъ лишь форменномъ фракѣ, имѣя при томъ на головѣ картузь изъ свѣтлой желтой соломки. Нельзя сказать, чтобы такая комбинація была особенно красивой, но она представлялась удобной, а стѣсняться постороннихъ взглядовъ, очевидно, не было никакой надобности. Относительно угощенія случайно собравшихся посѣтителей не допускалось также никакихъ стѣсненій. Если собиралось три-четыре человѣка на партію преферанса или моднаго тогда бостона, то обыкновенно угощали ихъ, какъ говорится, чѣмъ Богъ послалъ, т. е. тѣмъ, что находилось у хозяевъ въ наличномъ запасѣ. Кромѣ неизбежнаго чая съ имѣвшимся у всѣхъ запасомъ домашняго варенья, ставили на столъ и вареный картофель, и соленые огурцы, и кислую капусту. Главнымъ же продовольственнымъ украшеніемъ такихъ маленькихъ собраній былъ прославленный въ то время въ академическомъ кругу „ерофеичъ“. Это была домашняго приготовленія настойка, которой отецъ мой остался вѣренъ до конца своей жизни. Сухія травы звѣробоя, аниса и мяты обдавались кипяткомъ и затѣмъ, часа черезъ полтора, опускались въ бутылъ съ водкою, куда вмѣстѣ съ тѣмъ выливалась и настоявшаяся отъ травъ вода. Получавшаяся такимъ образомъ настойка отличалась пріятнымъ ароматомъ и вкусомъ, и кромѣ того, благодаря примѣси воды, не была очень крѣпкой. Въ долгое зимнее время, при отсутствіи въ провинціальной глуши посада театровъ, концертовъ или какихъ-либо другихъ общественныхъ удоволь-

ствій, преферансъ и бостонъ были почти единственнымъ развлеченіемъ въ часы отдыха отъ постоянной и напряженной умственной работы, а потому любителей такого развлечения было въ академической корпораціи не мало. Стоило двумъ или тремъ товарищамъ сойтись у кого-либо изъ нихъ въ свободный вечерокъ, какъ они уже спѣшили послать за кѣмъ-нибудь изъ ближайшихъ партнеровъ и усѣсться за зеленымъ столомъ. На этотъ случай два свояка—Ип. Мих. Богословскій-Платоновъ и Сер. Кон. Смирновъ придумали даже специальную сигнализацию. Оба они жили на высокихъ мѣстахъ посада, лежащихъ одно противъ другого, но раздѣленныхъ большимъ оврагомъ. Квартира Ипполита Михайловича была при концѣ Кокуевской улицы, а Сергѣя Константиновича—на углу Долгой и Ильинской, при чемъ оба дома видны были одинъ изъ другого. Когда одному изъ свояковъ нуженъ былъ партнеръ, чтобы съ зашедшими случайно гостями составить партію, онъ ставилъ на условленное окно зажженную лампу и другой своякъ уже понималъ, что ему нужно спѣшить на сигнальный призывъ. Большія и въ особенности именинныя собранія устраивались уже со всякими, нерѣдко привозными изъ Москвы, закусками и обильнымъ ужиномъ. Необходимою принадлежностію имениннаго угощенія было шампанское, которое предъ послѣднимъ сладкимъ блюдомъ торжественно обносилось кругомъ стола на маленькомъ серебряномъ подносѣ кѣмъ-либо изъ членовъ семьи въ единственномъ бокалѣ, вновь наполнявшемся для каждаго гостя. Вино это стоило тогда по 3 руб. 50 коп. за бутылку, и нѣсколько страннымъ представляется, почему, при тогдашней простотѣ и скудости денежныхъ ресурсовъ, все таки такъ твердо держался этотъ довольно раззорительный обычай.

Посѣщенія всякаго рода собраній для членовъ академической корпораціи нерѣдко сопряжены были съ большими затрудненіями, такъ какъ посадскіе пути сообщенія находились въ то время въ самомъ первобытномъ состояніи. Въ особенности приходилось страдать отъ этого тѣмъ изъ профессоровъ, которые жили въ болѣе отдаленныхъ отъ центра мѣстахъ посада. Къ числу такихъ мѣстъ относился и казенный дворъ. Его обитатели для сообщенія съ лаврой и чрезъ нее съ центральными мѣстами посада пользовались

нѣкоторымъ особеннымъ удобствомъ, но это удобство было имъ доступно только въ продолженіи дня. Прямо противъ воротъ казеннаго двора, въ оградѣ монастырскаго пафнутьева сада находилась калитка, ключи отъ которой даны были для каждой академической квартиры, а отъ этой калитки дорога вела чрезъ весь монастырскій садъ и ворота соляной (или водяной) башни прямо въ лавру. Профессора, обитавшіе на казенномъ дворѣ, этимъ именно ближайшимъ и удобнымъ путемъ постоянно и пользовались для всѣхъ своихъ сношеній съ лаврой и академіей. Нѣкоторое время и наша нянюшка, воспользовавшись любезнымъ вниманіемъ монастырскаго сторожа, жившаго въ сторожкѣ у калитки, стала очень часто отправляться со всѣми нами на прогулку въ пафнутьевъ садъ, гдѣ постороннимъ гулять вообще не дозволялось. Мать моя сперва удивлялась, почему и нянька, женщина очень хорошая, и мы—дѣти такъ усердно просимся на прогулку въ монастырскій садъ, когда на своемъ казенномъ дворѣ намъ было, повидимому, гораздо удобнѣе и привольнѣе. Причина, однако, скоро разъяснилась. Въ этомъ саду большое пространство занято было ягодными грядами и кустами, и тотъ же любезный сторожъ благосклонно позволялъ всей нашей компаніи безпрепятственно пользоваться этими монастырскими благами, что, конечно, и привлекало насъ сюда на прогулки. Къ несчастію эти прогулки очень дорого обошлись нашей семьѣ. Маленькая сестра наша—Машенька, которой было всего полтора года, отъ пафнутьевскихъ ягодъ заболѣла и очень скоро умерла къ великому огорченію родителей, долго оплакивавшихъ свою единственную дочку.—Монастырскія ворота соляной башни въ то время запирались въ восемь часовъ вечера, а потому близкое и удобное сообщеніе съ лаврой и чрезъ лавру проходомъ пафнутьевского сада съ этого часа прекращалось какъ для обитателей казеннаго двора, такъ и для всѣхъ тѣхъ профессоровъ, которые жили на наемныхъ квартирахъ въ этихъ краяхъ посада. Между тѣмъ, посадскія немоценныя улицы въ дождливое время покрывались глубокимъ слоемъ липкой глинистой грязи, и вотъ, по такимъ-то путямъ, да еще при полномъ отсутствіи уличнаго освѣщенія, и приходилось пробираться посѣтителемъ академическихъ вечеринокъ. Ночной „разъѣздъ“ съ этихъ вечеринокъ представлялъ

потому любопытное зрѣлище. Компаніи расходящихся гостей медленно и осторожно двигались гуськомъ другъ за другомъ и не иначе, какъ съ зажженными ручными фонарями, которые каждый захватывалъ съ собою изъ дома, отправляясь на собраніе. Предводители этихъ процессій иногда несли еще съ собою доски, чтобы въ потребныхъ случаяхъ класть ихъ на грязь и лужи для перехода чрезъ особенно опасныя мѣста. На людяхъ, какъ говорится, и смерть красна. При всей непріятности и трудности такихъ путешествій, они всегда почти были веселы. Благодаря хорошему настроенію отъ пріятно проведеннаго вечера и при общности интересовъ близкихъ другъ къ другу людей, во все время не прерывалась оживленная бесѣда на начатыя за ужиномъ темы, пересыпаемая шутками и остротами по поводу встрѣчавшихся на пути забавныхъ приключеній. Проходя вдоль сѣверной стѣны лавры, компанія по большей части останавливалась на нѣсколько минутъ близъ плотничной башни, гдѣ было чудное эхо, и наиболѣе голосистые изъ ея участниковъ выкрикивали какія-нибудь фразы, послѣднія слова которыхъ эхо повторяло съ изумительною отчетливостію. Неистощимый острякъ и балагуръ Сергѣй Константиновичъ иногда забавлялъ спутниковъ своимъ необыкновеннымъ искусствомъ подражать пѣтушинуму пѣнію. Похлопавъ въ ладоши, какъ пѣтухъ крыльями, онъ нѣсколько разъ пропойтъ пѣтухомъ на разные тона и разнымъ манеромъ, и сейчасъ же несется ему сочувственный отвѣтъ сперва съ ближайшаго двора, а затѣмъ все дальше и дальше, и наконецъ по всему посаду обманутые пѣвцы начинаютъ разыгрывать свой несвоевременный концертъ. При проходѣ мимо башни Каличьей, у той-же сѣверной лаврской стѣны, разговоры иногда принимали иное направленіе,—начинались рассказы о какихъ-либо страшныхъ событіяхъ таинственнаго свойства. Съ каличьей башней связана давняя легенда о какомъ-то самоубійцѣ, нѣкогда повѣсившемся во внутреннемъ помѣщеніи ея вершины. Съ той поры башня пользуется мрачной репутаціей и нервные или суевѣрные люди, по нуждѣ проходя мимо нея въ поздніе часы, невольно чувствуютъ нѣкоторый трепеть. Помню, по этому поводу отецъ рассказывалъ мнѣ одинъ случай изъ своей студенческой жизни. Какъ-то разъ, въ одномъ изъ академическихъ номе-

ровъ кружокъ товарищей засидѣлся до поздней ночи въ оживленной бесѣдѣ. Подъ конецъ, вниманіе кружка сосредоточилось исключительно на разсказахъ о разныхъ таинственныхъ или страшныхъ случаяхъ, слышанныхъ или испытанныхъ самими разсказчиками, и подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ создалось у всѣхъ нѣсколько тревожное нервное настроеніе. Начались споры, при чемъ одинъ изъ студентовъ-собесѣдниковъ сталъ горячо доказывать, что всѣ описанные страхи есть лишь одна фантазія и здравомыслящій человѣкъ всегда можетъ настолько владѣть собою, чтобы нимало не бояться плодовъ своего собственнаго воображенія. Въ подтвержденіе своей мысли онъ согласился держать пари, что сейчасъ же ночью пойдетъ по лаврской стѣнѣ къ каличьей башнѣ, по внутренней лѣстницѣ ея поднимется на вершину и спокойно возвратится къ товарищамъ. Въ доказательство точнаго исполненія принятой имъ на себя задачи, онъ поставитъ данный ему стаканъ на той самой балкѣ, гдѣ по легендѣ произошло самоубійство. Пари состоялось и смѣльчакъ его выигралъ, но вернулся въ номеръ блѣднымъ, какъ полотно, и трясущимся, какъ въ лихорадкѣ. Прійдя въ себя, онъ откровенно разсказывалъ объ испытанномъ имъ невыразимомъ ужасѣ и долженъ былъ сознаться, что человѣкъ иногда бываетъ не въ силахъ преодолѣть невольный страхъ, хотя бы и предъ плодами своего собственнаго воображенія.

Въ своей общественной жизни академическая корпорація не ограничивалась однимъ лишь профессорскимъ кружкомъ, но поддерживала близкое знакомство прежде всего, конечно, съ преподавательскимъ персоналомъ сосѣдней Виѣанской семинаріи, а затѣмъ и съ нѣкоторыми представителями посадскаго общества, каковыми были напр. городничій, по фамиліи кажется Бибииковъ, врачъ И. М. Высоцкій, состоявшій на службѣ, между прочимъ, и въ академіи, и аптекарь Иверсенъ. У Высоцкаго и Иверсена, которые жили въ собственныхъ домахъ и въ просторныхъ съ большими залами квартирахъ, изрѣдка бывали очень многолюдныя собранія съ танцами, конечно подъ звуки фортепіано. На большихъ званыхъ вечерахъ у профессоровъ почетными гостями бывали и ректора академіи, изъ которыхъ особенно общительностію отличался архимандритъ Алексій (Ржаницынъ), быв-

пшій въ послѣдствіи архіепископомъ Тверскимъ. Ректорскія посѣщенія бывали обыкновенно въ началѣ вечера и до отъѣзда почетнаго гостя зеленые столы не раскрывались. Послѣ большихъ и особенно торжественныхъ собраній, куда академическія дамы отправлялись въ своихъ наилучшихъ костюмахъ, было, конечно, весьма неудобно возвращаться домой ночью способомъ пѣшаго хожденія, а, между тѣмъ, извозниковъ тогда въ посадѣ совершенно не было и существовали только возившіе въ Москву и обратно ямщицкіе тарантасы и тройки, которые для внутренняго посадскаго употребленія не выѣзжали. На помощь профессорскому обществу выступала въ такихъ исключительныхъ случаяхъ казенная академическая лошадь съ общимъ любимцемъ красавцемъ-кучеромъ, котораго звали Павликъ, такъ какъ онъ былъ очень небольшого роста. Одиночный экипажъ не могъ, конечно, захватить сразу большого количества пассажировъ и потому Павликъ развозилъ гостей постепенно, послѣ cadaго рейса возвращаясь снова къ мѣсту собранія. Его услугами пользовались впрочемъ далеко не всѣ участники собранія, но преимущественно дамы и наиболѣе почтенные изъ членовъ корпораціи, молодежь-же расходилась привычнымъ пѣшеходнымъ порядкомъ. При всѣхъ несомнѣнныхъ кучерскихъ достоинствахъ Павлика, съ нимъ случилось однажды курьезное приключеніе, окончившееся, къ счастью, вполне благополучно. Въ какой-то зимній праздничный день онъ везъ Ѳ. А. Голубинскаго домой изъ Виѳаніи, гдѣ о. протоіерей принималъ участіе въ торжественномъ богослуженіи. Дорога изобиловала громадными ухабами, а сытая лошадь, застоявшаяся на морозѣ, мчалась съ особенной быстротой. Подкативъ лихо къ казенному двору и обернувшись назадъ, чтобы отстегнуть полость, Павликъ съ ужасомъ увидѣлъ, что Ѳедора Александровича въ саняхъ не обрѣтается. Тотчасъ же поспѣшилъ онъ обратно и на полянѣ, не добѣжая посада, засталъ медлительнаго о. протоіерея еще барахтающимся въ снѣжномъ сугробѣ близъ дороги. Къ счастью, сильный толчекъ на ухабѣ выбросилъ Ѳедора Александровича въ мягкій неукатанный снѣгъ и потому онъ, одѣтый въ толстую мѣховую рясу, остался совершенно невредимымъ.—Павликъ очень долго служилъ при академіи, а когда, по старости и слабости силъ, уже не могъ исполнять свои кучерскія обя-

занности, его оставили, за его многолѣтнюю службу, жить въ той-же академической кучерской на полномъ казенномъ содержаніи и съ маленькой денежной пенсіей. Поступивъ студентомъ въ академію, я еще засталъ его въ живыхъ, хотя уже ветхимъ сгорбленнымъ старцемъ, едва бродившимъ, опираясь на клюку, но съ прекрасно сохранившимися, выразительными, блестящими глазами. Хорошо сохранилась также его мысль и память и я не разъ съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о бывшихъ временахъ академической жизни и по порученію отца передавалъ ему денежные подарки.

В. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
